

О Л Е Г Г О Р

ПРОСВЕТЛЕННЫЕ НЕ БЕРУТ КРЕДИТОВ

КАК ПОЛУЧАТЬ
ОТ ЖИЗНИ ВСЕ —
БЕЗ ДОЛГОВ И ИЛЛЮЗИЙ

ROAD-STORY ОТ АВТОРА
«ПРОСВЕТЛЕННЫЕ
НЕ ХОДЯТ НА РАБОТУ»

Просветление без правил

Олег Гор

Просветленные не берут кредитов

«ЭКСМО»

2017

УДК 133.4
ББК 86.42

Гор О. Н.

Просветленные не берут кредитов / О. Н. Гор — «Эксмо»,
2017 — (Просветление без правил)

ISBN 978-5-699-94055-4

Можно ли медитировать во сне? Существует ли таинственный зверь йесин? Зачем разрушать колесо Сансары? В чем опасность чрезмерной духовности? Чем питаются «голодные духи» и для чего их кормить? Автор книги, бизнесмен Олег Гор, нашел ответы на эти вопросы во время двухмесячного странствия по Таиланду, в которое отправился вместе со своим строгим учителем, «неправильным монахом» братом Поном – без документов, денег, планов и в полном молчании. В пути он продолжил осваивать новые медитативные практики, которые помогли ему сохранить присутствие духа в самых опасных и непростых ситуациях, делать духовные открытия и познавать самого себя – и, конечно, мир вокруг. Книга содержит подробные описания техник, учащих контролировать ум, тело и эмоции, и проживать свободную жизнь – без долгов и иллюзий.

УДК 133.4
ББК 86.42

ISBN 978-5-699-94055-4

© Гор О. Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пара слов от автора для начала	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Гор

Просветленные не берут кредитов

© Гор О. Н., текст, 2017

© Гаркуша Н., иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пара слов от автора для начала

В крошечный храм, спрятанный в джунглях северного Таиланда, я впервые попал за год до описанных ниже событий. Приехал я тогда за помощью, одолеваемый проблемами разного толка, что обрушились подобно цунами, но нашел совсем не то, что искал.

Познакомился с «неправильным монахом» братом Поном и неожиданно для себя стал его учеником.

Несколько месяцев провел в полной изоляции от мира, без доступа даже к сотовой связи, не говоря об Интернете. И за этот краткий отрезок времени узнал о себе и жизни больше, чем за предыдущие десять лет, пережил ряд необычных, иногда пугающих ситуаций, столкнулся с вещами, которые не объяснить с рациональной точки зрения.

И в конечном итоге решил свои проблемы, хотя и не так, как ожидал.

Наша встреча с братом Поном описана в книге «Просветленные не ходят на работу».

Глава 1

Гора каменных слонов

Таксист, узколицый и носатый хозяин раскрашенного в яркие цвета тук-тука, смотрел на меня, вытаращив черные глаза.

– Куда-куда, мистер? – спросил он повторно, надеясь, что, может быть, ослышался.

Разговор наш длился минут десять и напоминал диалог двух глухих.

– Ват Тхам Пу, – в какой уже раз повторил я. – Едем? Не едем?

Если хочешь, чтобы таец тебя понял, используй английский попроще, фразы покороче. Ну а если хочешь понять взявшегося за тот же язык тайца... молись Будде. – Точно, мистер?

В ответ на этот вопрос я скрежетнул зубами и огляделся.

Автостанция города Нонгкхай, столицы одноименной провинции, выглядела так же, как и прошлой весной, во время моего последнего визита. Квадратная площадь, окруженная магазинчиками, кафе и офисами транспортных компаний, громадный прямоугольный навес и ряды сидений под ним, выстроившиеся шеренгой двухэтажные автобусы. И шустрые таксисты, что бросаются на потенциального пассажира, словно хищные птицы на незадачливого цыпленка.

– Точно! – ответил я, снова уставившись на собеседника.

Тук-тукер отступил на шаг, смерил меня взглядом, размышляя, не сбежал ли данный конкретный фаранг из сумасшедшего дома и не пора ли звать полицию, чтобы его связали, пока не начал кусаться.

– Пятьсот бат, – сказал он после паузы, решив, что немного денег можно срубить и на психе.

– Окей, – отозвался я, удивив собеседника повторно.

Вскоре мы бодро катили прочь на драндулете, что напоминал садовую лавочку на трех колесах разного размера. Я крепко держался за поручень, сердце мое пело в предвкушении, а губы помимо желания растягивались в улыбке.

Да, этой зимой я приехал в Нонгкхай совсем в ином настроении, чем двенадцать месяцев назад...

Тогда за спиной лежала превратившаяся в руины жизнь, впереди маячила полная неопределенность. Сейчас же я оставлял позади более-менее упорядоченную реальность, а предвкушал встречу с братом Поном и новый цикл обучения в лесном храме, медитации, беседы и чудеса.

Этот год промелькнул для меня как один час – суматошный, но приятный.

Я снова начал зарабатывать деньги, пусть не так много, как ранее, но зато более приятным способом. Старые деловые партнеры так и остались в прошлом, зато появились другие, и честно сказать, куда более интересные как люди.

Именно новый проект, в который я нырнул с головой, и не дал мне поехать к брату Пону осенью, как я хотел сначала...

Город закончился, справа мелькнул Меконг, и мы свернули на узкий, грязный проселок. Тук-тук закачался на ухабах и яминах, точно лодка на волнах, потянулся лес, становившийся все более и более густым.

– Ват Тхам Пу, – объявил таксист, затормозив так резко, что я едва не улетел с сиденья.

И махнул в ту сторону, где в чащу уходила еле заметная тропка.

– Ты уверен? – спросил я, нахмурившись.

Насколько помнил, раньше меня привозили в другое место...

– Уверен, – отозвался таксист и требовательно протянул руку.

Пять фиолетовых бумажек с изображением тайского короля поменяли хозяина, после чего я слез с сиденья и забрал рюкзак. Тук-тук заложил крутую петлю и с рычанием унесся в обратном направлении, оставив смрад бензинового выхлопа.

С мыслью о том, что к вату может вести множество дорог и не все я запомнил, я зашагал по тропинке.

Выбрался на берег Меконга, высокий и довольно обрывистый, и сердце радостно застучало: вон над деревьями поднимается треугольная крыша крохотного монастыря, бывшего мне домом год назад.

Ускорил шаг, но тут же заставил себя идти медленнее.

Зря что ли брат Пон учил меня помимо остального еще и сдержанности?

Тропка повернула, я вслед за ней, открылся ват целиком, и я едва не споткнулся на ровном месте! Узкий навес на столбах, под которым висели колокола, покосился, вокруг главного святилища поднялась высокая трава, такая густая, словно тут никто не ходил много месяцев.

Что здесь произошло?

На этот раз я перешел на бег и даже не подумал удерживать себя.

Хижина, где я жил, оказалась на месте, как и другие, но все они выглядели обветшавшими, заброшенными, крыша навеса, что служил нам и столовой, и лекционным залом, и комнатой для медитаций, обвисла.

– Брат Пон! – позвал я, уже понимая, что кричу зря.

Ответом мне стали насмешливые вопли макак, что резвились в кронах, и от этого звука мне сделалось нехорошо. Разочарование накрыло меня точно черная волна, захотелось сжать кулаки и завопить от обиды, как некогда в детстве, в песочнице посреди нашего двора...

Неужели здесь никого нет и я приехал зря?

На то, чтобы немного успокоиться, мне понадобилось несколько часов.

Разочарование отступило, но осталась душевная боль, не желавшая уходить, несмотря на все усилия. Скинув рюкзак около моей бывшей хижины, я по очереди заглянул в остальные и обнаружил в общем-то то, что и ожидал, – отсутствие вещей, разорение и запустение.

Неправильный монах и двое его послушников ушли отсюда, покинули Тхам Пу.

Но почему? И когда?

Неужели сразу после того, как я вернулся в Паттайю в конце прошлого сухого сезона? Да, тогда я не хотел оставлять ват, уезжал с тяжелым сердцем, пообещал наставнику, что появлюсь через шесть месяцев, но кто мог знать, как пойдут дела.

Будда в храме встретил гостя обычной мягкой улыбкой – грубо высеченное из камня изваяние не изменилось, но вот цветочные гирлянды у него на шее выглядели увядшими, а из чаши с песком торчали огрызки давно прогоревших ароматических палочек.

От мостков на берегу ничего не осталось, будто их смыло половодьем, тот же пятачок в лесу, где я медитировал, я вообще не смог отыскать – все заросло так, что пейзаж изменился до неузнаваемости, и непролазные кусты вставали там, где я раньше проходил свободно.

Вернувшись к хижине, я сел наземь и задумался.

Брат Пон может здесь больше никогда не появиться, так что ждать его нет никакого смысла.

Делать нечего, надо возвращаться в Паттайю.

Сам не знаю как, но я умудрился до сих пор никому не рассказать, где именно пробыл те три месяца и чем занимался. Тогда меня потеряли и родственники из России, и друзья в Таиланде, кое-кто даже подумывал обратиться в полицию королевства, чтобы меня начали искать.

Приехав обратно живым, здоровым и похудевшим, я многих обрадовал, а кого-то наверняка и огорчил.

А затем проявил невероятную стойкость, отбиваясь от расспросов.

«Был послушником в буддийском монастыре. Это все», – произнес я, наверное, не одну сотню раз, пока не уgomонились даже самые любопытные из друзей и родичей. Желających узнать подробности набралось не меньше батальона, но ни один из них ничего не добился.

Нет, брат Пон не брал с меня обещания молчать, просто я сам понимал, что скрытность в данном случае лучшая политика: начну болтать, что происходило во время моего ученичества, так пойдут слухи, что я сошел с ума.

На самом деле, если взглянуть со стороны, я стал намного более уравновешенным и спокойным, чем ранее. Исчезли мешавшие жить проблемы и комплексы, которых я до той поры просто не замечал, сгинула внутренняя неуверенность в себе, компенсированная внешней самоуверенностью.

Немного поразмыслив, я решил переночевать в Тхам Пу и только утром двинуться назад: бутылка воды у меня есть, дорогу к источнику я помню, а без еды как-нибудь обойдусь.

Первым делом вымел пол в своей хижине и вытряхнул подстилку, изгоняя наползших из джунглей насекомых. Отыскав в сарае инструменты, слегка подправил стены, а затем остаток вечера потратил на одну из практик, освоенных больше года назад, – «это не я, это не мое».

Но помогла она слабо, спать я отправился, чувствуя печаль и разочарование, и поднялся не в лучшем настроении.

Но выбравшись из хижины, я обнаружил, что под навесом столовой кто-то сидит. Поначалу решил, что мне показалось, протер глаза, даже потряс головой, но фигура в монашеской антаравасаке никуда не делась.

Ее обладатель поманил меня и дружески улыбнулся.

– Брат Пон? – пролепетал я, будучи не в силах поверить своему счастью.

Он совсем не изменился – круглое гладкое лицо, пронзительные черные глаза, крепкая фигура. Разве что сбрил гриву косичек, ранее украшавшую его голову, и теперь с голым блестящим черепом куда больше, чем раньше, напоминал обычного служителя Будды.

– А ты думал – кто? Сам демон Мара? – ехидно осведомился монах. – И не мечтай! Он лично является искушать лишь тех, кто достиг преддверия свободы, а тебе до просветления – как пешком до Антарктиды.

– Брат Пон, – повторил я и ущипнул себя за руку, дабы убедиться, что это не сон. – Но как же так, я приехал вчера, а вас тут нет... пусто... – слова полились из меня потоком.

– Тихо-тихо! – он поднял руку и нахмурился с преувеличенной строгостью. – Сколько эмоций? Немедленно прекрати! Если бы я не знал, кто был твоим наставником, я бы решил, что он зря ел свой рис!

Я покраснел и принялся считать вдохи, используя «внимание дыхания».

На то, чтобы осознать случившееся, мне понадобилось минут пятнадцать.

Только когда эмоции мои погасли и осталась лишь тихая радость, брат Пон жестом разрешил мне сесть рядом, после чего некоторое время разглядывал, задумчиво почесывая подбородок.

– Не так плохо, – вынес он вердикт. – Хотя будь оно плохо, мы бы не столкнулись.

– Вы ждали, что я появлюсь? – спросил я.

– Ну точно, весь этот год просидел вон там на дереве, выглядывая, не едет ли ученик, – в черных глазах появилось так хорошо знакомое мне насмешливое выражение. – Конечно, нет.

– А я вот ожидал увидеть вас здесь. Почему вы оставили Тхам Пу?

Вопрос мой брат Пон проигнорировал.

– Ожидания и надежды – такая штука, которая причиняет нам массу неприятностей, – сказал он. – Вспомни-ка, сколько раз ты рассчитывал, что события пойдут определенным обра-

зом, этого не случилось, и что тогда? Печаль, злость, разочарование, гнев и прочие аффекты, загрязняющие сознание и создающие не самую хорошую карму.

– Много, – я пожал плечами.

Вспомнить хотя бы тот день в школе, когда Васька-сосед не позвал меня на день рождения... рёву было... Или когда я ухаживал за Надей, уже в универе, и заготовил для свидания все, на что хватило денег у бедного студента, избавился от соседа по общежитию, а она в этот день уехала встречать мать... Да, тогда я с горя напился.

Да и потом – чуть ли не каждый день.

– Так что если ты хочешь учиться дальше, ты должен от ожиданий избавиться, – голос монаха стал настойчивым. – Не пестовать в себе представлений о будущем. Отложить в сторону надежды, вообще забыть это слово.

Английским языком брат Пон, в отличие от многих тайцев, владел безупречно, хотя откуда, я не знал, – на вопросы о своем прошлом он чаще всего не отвечал, а когда рассказывал о себе, то говорил не о том, что меня интересовало.

– Я понял, – пробормотал я, виновато уставившись в землю.

– Это я вижу, – продолжил монах. – Как и то, что ты кое-что практиковал это время.

Жизнь моя в Паттайе пошла точно таким образом, как он и предсказывал, – мало кто заметил, что я изменился, но прежняя рутина вцепилась в меня с силой объевшегося допинга осьминога. Понятно, что я не смог в городской суете медитировать и заниматься собой так же, как в лесной тиши, но я ни на один день не забыл, чему меня научили здесь.

Я помнил хорошо, каким приехал сюда в тот раз – с больным желудком, по уши наполненный проблемами, кипящий от обиды и возмущения.

И видел, каков я сейчас – здоров, спокоен и готов ко всему.

Да, мне пока не удалось наладить личную жизнь, но я не особенно переживал по этому поводу. Если ранее, не видя рядом женщины, я начинал страдать от мужской неполноценности, то теперь это меня вообще не волновало.

Я прекрасно знал, что все произойдет в свой срок, как надо.

– А это значит, что можно начать второй семестр, – сказал брат Пон.

Я заулыбался, ожидая, что сейчас он велит мне отправиться к источнику за водой... Затем мы приведем Тхам Пу в порядок, и все пойдет так же, как раньше, и даже лучше, интереснее.

– Сиди тут, – и монах поднялся, легко, одним движением.

Он был старше меня лет на пятнадцать, не меньше, но его выносливостью и проворством я мог только восхищаться.

Брат Пон отправился к своей хижине, а когда вернулся, то принес небольшой сверток бурой ткани – антаравасака, монашеское одеяние, то самое, которое я носил во время обучения.

– Переодевайся, – прозвучало это как приказ. – Всякие шмотки складывай в рюкзак. Потом отдашь его мне.

Я повиновался.

В первый момент в антаравасаке и сандалиях я почувствовал себя неудобно, но неловкость тут же прошла. Удовлетворенно цокнув языком, брат Пон уволок мой рюкзак куда-то за главное святилище, а когда вернулся, то в руках у него обнаружилась громадная древняя бритва со ржавчиной на лезвии.

– Сейчас обреем тебя, – заявил он, – и отправимся в путь.

– К-какой путь? – спросил я, ощущая, что холодок побежал у меня по спине.

– Долгий и насыщенный, – отозвался монах. – Не дергайся, а то порежу.

Все то время, что он сбрасывал волосы с моей головы, я просидел в мучительном нетерпении. И когда дело оказалось закончено и макушки моей коснулось холодное дуновение, вопросы посыпались из меня, точно переспелые яблоки с дерева:

– Разве мы не останемся в Тхам Пу? Насколько далеко мы уедем? Куда и зачем?

– Опять ожидания, – брат Пон вздохнул и поглядел на меня с легким сожалением.

Я торопливо прикусил язык.

– На все вопросы ты получишь ответы, только не сразу, – продолжил монах. – Рюкзак твой я спрячу в тайник под статуей Будды, так что никто-никто его не найдет. Заберешь, когда вернешься.

Это заявление вызвало у меня настоящий приступ паники – да, в прошлый раз я несколько месяцев обходился без привычных вещей, но тогда они были рядом, я знал, что и паспорт, и мобильник где-то неподалеку, и если что, то я смогу их добыть.

Теперь же придется отправиться неизвестно куда вообще без всего?

– А я вернусь? – выдавил я из себя после внутренней борьбы.

– Это возможно, – брат Пон усмехнулся. – Ладно, не пыхти так сердито, лопнешь. Вспомни лучше о том, что все дано тебе взаймы, что ты должен всегда, в любой момент быть готов расстаться с чем угодно... И вообще, зачем это барахло тому потоку восприятия, которым ты на самом деле являешься?

Через полчаса мы шли прочь, я то и дело оглядывался на постепенно исчезающий за деревьями Тхам Пу.

Надежда на то, что я проведу ближайшие месяцы здесь, рассеялась, точно дым. Впереди маячила неопределенность, огромная и мрачная, как целое стадо голодных слонов.

– Давай-давай, оставляй прошлое позади, – сказал брат Пон, когда я споткнулся о корень. – Или ты забыл, что существует лишь один момент, которым мы имеем шанс пользоваться, и называется он «настоящее»?

Да нет, я хорошо помнил все, чему неправильный монах учил меня на берегу Меконга, но одно дело – знать некий принцип поведения, и совсем другое – уметь применить его на практике, да не к другим, что всегда легко, а к собственной любимой персоне.

Той самой, которой, кстати, на самом деле не существует.

– То, что происходило здесь год назад, – продолжал брат Пон, пока мы шагали по джунглям, а я пытался отстраниться от заполнявших меня под горлышко чувств вроде разочарования и тревоги, – изменило тебя, позволило тебе вступить на путь к свободе. Только оно больше тебе не нужно.

– Это как?

– А вот смотри – некий человек, убегая от погони, добрался до глубокой реки. Желая избежать смерти, он нарубил деревьев, связал плот и переправился на другой берег. После этого он подумал так: «Да, ведь только благодаря этому плоту я ушел от опасности, и он был мне очень полезен». И решив, что плот всегда может пригодиться, он взгромоздил его себе на плечи и пошел дальше... Понятно все или нужно объяснить?

– Понятно, – проворчал я, ощущая, как настроение мое понемногу улучшается. – Неужели мне больше не придется заниматься тем, что я так любил в Тхам Пу? Метла... Ведро для воды... лопата... грязные простыни...

– То, что ты начал шутить – хороший знак, – брат Пон похлопал меня по плечу. – Переживать не стоит, для тебя найдутся занятия не менее занимательные, хотя и не столь творческие, как визит в банк, например.

И он язвительно захихикал, а я споткнулся второй раз, теперь вообще непонятно обо что.

До города нас подбросил таец на новеньком «Мерседесе», облаченный в дорогой, с иголочки костюм-тройку. Что подобный тип делал в этих краях, я даже представить не мог, но при виде двух людей в монашеских одеждах и с сумками для подаяния он повел себя как надлежит буддисту.

В результате мы прокатились с ветерком и добрались до Нонгкхая за каких-то пятнадцать минут.

– Автобус на Чиангмай, на который у меня есть билеты, будет только в шесть, – сказал брат Пон. – Так что у нас есть время немного прогуляться и попутно заняться кое-чем полезным...

– Чиангмай? – изумился я.

В этом городе, столице Северного Таиланда, я никогда не был, хотя несколько раз собирался.

Накатило желание еще раз спросить, куда и зачем мы едем, но я сдержался. Я прекрасно знал, что монах не ответит, и не просто проигнорирует мой вопрос, а еще и отпустит едкое замечание по поводу любопытства и упрямства отдельных типов, с которыми ему приходится иметь дело.

– Расскажи мне, как и что ты практиковал за этот год и что ты помнишь из моего учения, – велел брат Пон, и мы неспешно двинулись по узким улочкам в сторону Меконга.

Я собрался с мыслями и начал излагать.

Наверняка монах прекрасно видел и осознавал, чего я стою на данный момент, и повествование мое было нужно не столько ему, сколько мне самому, чтобы упорядочить воспоминания и освежить мысли.

Мир как страдание, тяжелые пути, что привязывают нас к нему.

Средство освобождения, не самое простое, но доступное каждому...

Человек как поток восприятия, состоящий из пяти струй – телесные ощущения, эмоции, мысли, события и осознание.

Три базовых аффекта, что привязывают нас к Сансаре, – невежество, алчность, ненависть.

Двенадцать звеньев цепи взаимозависимого происхождения, от слепца до старика, несущего на спине мертвеца, от невежества до дряхлости и смерти.

Поток дхарм, мгновенных вспышек-образов, внутри «трубы» из которых мы путешествуем по жизни, плывем через время, словно изображение на киноплёнке, в каждые два соседних момента вроде бы одинаковое, но изменяющееся с постоянной неизбежностью.

Все это знание помогало мне даже в самые тяжелые моменты – а куда без них!? – смотреть на жизнь немножко под другим углом, воспринимать ее более продуктивным и интересным образом.

– Неплохо, – одобрил брат Пон, и я уже собрался преисполниться гордости, как по ушам ударил визг тормозов.

Меня обдало волной горячего воздуха, и я обнаружил, что стою на проезжей части, в каком-то полуметре от меня замер осевший на нос грузовик, шины которого едва не дымятся. Парнишка за рулем вытаращил глаза так, что стал напоминать героя японского мультлика, сжатые на руле пальцы побелели.

Горло мое пересохло, и я с усилием сглотнул; накатила волна холода.

Еще немного, еще чуть-чуть, и меня бы просто размазало...

– Смерть помнит о тебе, – прошептал брат Пон, склонившись к моему уху. – Вспоминай и ты о ней.

Он благосклонно кивнул водителю и, взяв меня за локоть, потащил дальше. Отпустило меня только шагов через двадцать, я сообразил, что весь дрожу, а пот льется со лба и настоящие струйки текут по бокам и спине.

Когда мы пришли на автостанцию, меня еще потряхивало от воспоминаний о той аварии, которой не случилось лишь чудом.

– Ты теперь странствующий монах, – заявил брат Пон, когда мы уселись под навесом. – И вести себя должен соответствующим образом. На женщин не пялиться. Улыбаться и благодарить за то, что тебе дают...

– Но я же не понимаю, что они говорят, и не умею раздавать благословения! – возразил я. – Да и какой я монах, вы же знаете...

– Послушник, – уточнил он. – Все видят, что ты фаранг, и многого от тебя не ждут. Спокойствие и уверенность – вот что нужно.

Да уж, легко сказать!

Откуда спокойствие, если рядом брат Пон, способный во всякий момент отмочить по моему адресу какую угодно шутку?

Где взять уверенность, если я в один миг остался вообще без всего, без денег, телефона и документов, да еще и отправляюсь непонятно куда, неведомо зачем и неизвестно на какой срок?

Подкатил автобус с табличкой «Чиангмай» на лобовом стекле, и мы поднялись с сидений. Водитель встретил нас уважительным вай, а на протянутые братом Поном билеты даже не взглянул, просто рукой махнул.

Наши места оказались посреди салона, с левой стороны.

– Ну вот, – заявил монах. – Уселись, теперь можно и делом заняться. А ну-ка... Осознавай себя полностью!

– Вы имеете в виду смрити? – с неохотой уточнил я.

Брат Пон говорил о практике «полного осознания», подразумевающей не только тотальное самонаблюдение – за положением тела в пространстве, сокращением мышц, дыханием, эмоциями, мыслями и событиями, но и классификацию каждого мгновения как приятного, неприятного или нейтрального.

В вате Тхам Пу я выполнял ее не без успеха, но в Паттайе после нескольких попыток забросил.

– Именно, – подтвердил брат Пон.

– Прямо тут? Здесь же люди? – я нервно оглянулся.

Салон заполнился почти наполовину – несколько американских туристов, ржавших так, что стекла дрожали, пара девиц деревенского вида, наверняка собравшихся в большой город на заработки, пожилая пара с кучей сумок, пакетов и даже чемоданов.

– Да? Какие люди? – брат Пон деланно удивился. – Образы людей, созданные твоим сознанием. Просто отодвинь их в сторону, перестань уделять им внимание. Приступай.

Я вздохнул и покорился.

В первый момент я смог осознать лишь то, что ужасно стесняюсь, ощущаю такую неловкость, будто обмочился посреди банкета. Затем дело пошло веселее, я погрузился в процесс и даже начал получать от него удовольствие.

В какой-то момент осознал, что мы едем и что за окнами мелькают пейзажи Нонгкхая.

– Хорошо, достаточно, – сказал брат Пон. – Теперь кое-что новое... растворение в пустоте... Закрой глаза и слушай, что я тебе буду говорить.

Я опустил веки и откинулся на спинку кресла, стараясь не обращать внимания на щебетание девиц, что сидели сразу за нами, и на реплики американцев, оравших на весь автобус.

Водитель выбрал этот момент, чтобы включить кино для пассажиров – телеэкраны, общим числом два, вспыхнули разом, динамики взвыли так, что я едва не подпрыгнул, а на экране появилась заставка «Двадцатый век фокс» и первые кадры «Крепкого орешка» в тайской озвучке.

Брат Пон хихикнул.

– Привыкай. Теперь ты будешь учиться не в покое вата, а вот таким образом... Глаза закрой... Представь себя, можно без одежды, можно в чем угодно...

Бивший в уши волнами звук мешал, я ерзал в кресле и потел, с трудом отстраняясь от раздражения. Для того чтобы сосредоточиться, приходилось прилагать невероятные усилия.

В какой-то момент я вспомнил, что стараться-то как раз и не надо, что лишнее напряжение лишь признак того, что ты все делаешь неправильно, и попытался расслабиться. Напряжение постепенно ушло, стало легко-легко, и я обнаружил перед собой четкий, ясный образ.

– Отлично, – тут же заявил брат Пон. – А теперь начинай растворять свой облик... Правую ногу для начала... пусть она медленно рассеивается, исчезает в пустоте... затем левая...

Дальше дело дошло до рук, после чего я стал выглядеть лишенным конечностей огрызком.

– Теперь тело... – продолжал шептать брат Пон. – Потом голова... Растворяется... Исчезает... Пустота глотает их, стирает без следа, забирает то, чего и так никогда не существовало... остается только сознание...

Набравший приличный ход автобус качнуло, меня подбросило, и на несколько мгновений возникло ощущение, что я на самом деле лишился тела, превратился в каплю воды или струйку дыма посреди бездны.

– Держись... держись за него... – шептал не пойми откуда настойчивый голос. – Сколько сможешь...

А потом то ли сказалось напряжение сегодняшнего дня, то ли у медитации случился побочный эффект, но я уснул.

Проснувшись, я обнаружил, что автобус несется по трассе, в нем царит темнота, а тишину нарушает лишь доносящееся с разных сторон посапывание и похрапывание. Удивительно, но я прекрасно отдохнул и ощущал себя бодрым и энергичным.

– Доброе утро, – сказал брат Пон, то ли вообще не спавший, то ли пробудившийся от моего движения.

– Уже утро? – спросил я, пытаюсь определить, который час.

– Да, скоро взойдет солнце, ну а мы будем на месте.

Минут через пятнадцать стало ясно, что монах прав – рассвет хоть и не за горами, поскольку горы впереди, на горизонте, на севере и западе, но довольно-таки близок. Потом в небесах «включили» утро, и мы подкатили к огромному автовокзалу.

– Пойдем, прогуляемся, – сказал брат Пон, когда мы выбрались из автобуса. – Дадим людям возможность сделать нам подношения... Ты сумку не потерял?

И мы зашагали по городу.

Сандалии, которые я вчера получил вместе с монашеским одеянием, слегка натерли ноги, но я не обращал на это внимания. Старался выглядеть уверенным и спокойным, как и надлежит послушнику, и даже улыбаться так, как это делает Будда: мягко, ободряюще, решительно. Несмотря на ранний час, народу на улицах было полно. Несколько раз нас останавливали, женщины и мужчины опускались на колени перед братом Поном, склоняли головы, и сумки наши понемногу наполнялись. Карабкалось выше и выше солнце, и жара понемногу давала о себе знать.

– Достаточно, – решил монах, когда около «Севен-элевена»¹ нам выдали по бутылке молока.

¹ 7-Eleven – японская франчайзинговая компания, крупнейшая международная сеть супермаркетов (страны Востока, США, Австралия, Мексика, Канада и т. д.). – *Примеч. ред.*

Мы прошли мимо установленного на берегу канала королевского портрета, миновали ворота в откровенно декоративной крепостной стене и устроились в ее тени на густой траве.

– Ну вот, теперь до вечера с голода не помрем, – сказал брат Пон, когда с трапезой оказалось покончено.

Похоже, что теперь я буду питаться несколько лучше, чем во время обучения в Тхам Пу – там меня кормили почти сплошь рисом с овощами, странствующему же монаху положено есть, что дают, и не отказываться даже от мяса.

– Помнишь, мы говорили о восьми сознаниях, которыми обладает каждый из нас? – спросил монах.

– Конечно, – отозвался я. – Зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное... Потом ментальное, что просто регистрирует образы внутреннего мира, а еще ум, комбинирующий их с впечатлениями, приходящими снаружи... и восьмое, сокровищница.

– Именно так, – брат Пон удовлетворенно кивнул. – На санскрите «алая-виджняна». Именно она некоторым образом переходит из жизни в жизнь, определяя единство того потока, которым мы являемся.

– Так это тогда и есть душа?

– Нет, души не существует.

– А в чем отличие? – я нахмурился.

– Душа – это некая субстанция, нечто вечное, устойчивое, а сознание-сокровищница – набор состояний, каждый миг трансформирующийся, текучий, тот самый, грубым отражением коего являются остальные потоки – и мысли, и события, и эмоции, и даже телесные ощущения.

– Но если это сознание постоянно изменяется, то что тогда переходит из одного существования в другое?

– Некая энергия, потенциал, способ восприятия и порождения образов, – брат Пон наслаждался моим замешательством. – Вот смотри, если ты зажег одну свечу от другой, то разве пламя первой не воплотилось в огне второй?

– Ну, как бы да...

– Или еще, если наставник обучил тебя некоторому стихотворению, то что, это стихотворение не перешло к тебе от него? Ведь когда ты читаешь его, то это можно назвать новым воплощением тех же самых рифмованных строк, хотя они произносятся другим голосом и в другом месте перед иными слушателями.

– Ну да, перешло... – на миг показалось, что я уловил концепцию, понял, о чем толкует монах, но мысль задержалась в сознании всего на мгновение и тут же исчезла, как блеснувшая в водопаде рыбка.

– Не переживай, – брат Пон ободряюще улыбнулся. – Все, что можно выразить словами, не является истиной, а сама истина постижима лишь с помощью интуитивной мудрости. Когда придет время, ты постигнешь все до исходной глубины, сейчас же нас больше интересует практика.

Я подобрался.

– Тебе достаточно знать, что одна из целей обучения – перенести фокус внимания с седьмого сознания, ума, ответственного за формирование концепции личности, на восьмое, сокровищницу.

– И как это сделать?

– Медленно и без давления, – брат Пон потер ладони друг о друга. – Для начала... Необходимо научиться прислушиваться к тому тихому, почти неразличимому голосу, что принадлежит сознанию-сокровищнице и обычно находится далеко за пределами восприятия. А для этого ты должен постигнуть столь сложную для западного человека науку молчания.

Я удивленно заморгал.

– Да, с этого момента ты будешь изображать немое и использовать слова только после моего разрешения.

Сердце мое упало.

– Но как же я... Это что! Почему?.. Не получится... – от возмущения слова толпой полезли на язык, толкаясь и мешая друг другу. – Нельзя ли без этого обойтись? Глупости! Как же учиться тогда?

Монах выждал, пока запал мой пройдет, и только затем ответил:

– На те вопросы, ответ на которые тебе и в самом деле будет необходим, я отвечу без напоминания, шевелить же языком воздух по поводу того, что ты верно назвал «глупостями», смысла нет. А теперь все, гневайся про себя, поскольку для тебя настало время читать сутру молчания.

Я открыл рот, чтобы продолжить спор, но вовремя одумался.

Внутри стен, что отделяли старый город Чиангмая от более современной части, располагался настоящий лабиринт узких, до ужаса похожих друг на друга переулков, где сломал бы ногу даже черт, окажись он фарангом.

Куда и зачем мы идем, я не знал и спросить не мог, поскольку брат Пон велел мне молчать. Это распоряжение по-прежнему казалось мне бессмысленной прихотью – ну и что с того, что я не работаю языком, ведь мысли мои никуда не делись, а они звучат иногда ой как громко!

Время от времени внутри лопались пузыри вялого раздражения.

– Тебе придется тяжело, – монах заговорил неожиданно, даже не повернув головы в мою сторону. – Ты не осознаешь, насколько жизнь обычного человека завязана на болтовне, на том, чтобы рассказывать всем вокруг о себе, о том, что с тобой происходит, чем ты являешься. Это одна из крепчайших опор той иллюзии, что известна под именем Личности и стремится поддержать свое существование всеми известными ей способами.

Эта мысль меня, честно говоря, мало обрадовала.

– Говорят, – продолжил брат Пон, не обратив внимания на мое угрюмое сопение, – что Будда не произнес ни слова между ночью Просветления и ночью ухода в нирвану. Сознание его, подобное ясному зеркалу, отражало проблемы, с которыми приходили к нему люди, и давало им безмолвный ответ, который всякий и понимал в меру разумения. Ага, вот мы пришли.

Мы свернули в очередной раз, и я замер, позабыв ухватить отвисшую челюсть.

На миг показалось, что я перенесся на другой континент, в Мексику, и что передо мной – святилище майя или ацтеков, храм, на вершине коего регулярно приносят в жертву людей и кровь течет потоками.

К блеклым небесам возносилась настоящая гора, обгрызенная временем, потрепанная бурями, но жуткая и величественная: серо-розовые стены пирамиды поднимались не на один десяток метров, а дальше, над широким карнизом вздымались вертикально к полуразрушенной вершине.

– Ступа Чеди Луанг, – сказал брат Пон.

Когда мы подошли ближе, я разглядел, что на карнизе, находившемся примерно на половине высоты, расположились каменные слоны, к вершине тянутся четыре широкие лестницы, охраняемые змеями-нагами, а в сумраке ниши на верхушке прячется золоченое изваяние Будды.

Вокруг бродили туристы с фотоаппаратами, у основания одной из лестниц покачивались висящие на железной раме колокола.

– Древние, построившие Чеди Луанг, создали не просто напоминание о Дхарме, – голос брата Пона стал торжественным. – Это мощное устройство, которое может помочь тому, кто ищет просветления, бодхи, да не одним способом.

Вопросы закипели внутри меня, точно забытый на огне суп, я даже ощутил физическое давление на череп изнутри и вынужден был буквально прикусить язык, чтобы не сорваться.

– Ступу можно назвать средоточием молчания, поскольку ум того, кто правильно созерцает Чеди Луанг, прекращает вечную болтовню. Годится термин «уничтожитель привязанностей», поскольку энергия, заключенная в ступе, подавляет силу влечений, свойственных любому обитателю чувственного мира, – к объектам, к процессу существования, к ложным воззрениям, к собственному «я». Тех влечений, что порождают бесстыдство, наглость, зависть, скудость, возбужденность, отчаяние, уныние и вялость... Справился ли ты с ними?

Голос брата Пона стал тише, словно его хозяин отошел куда-то в сторону, хотя я по-прежнему мог видеть монаха краем глаза. Затем рукотворная гора, украшенная каменными слонами, расплылась у меня перед глазами, превратилась в серо-розовое облако, внутри которого угадывались острые грани и выщерблины в кирпичных стенах.

Я глядел вроде на то же сооружение, но одновременно и на нечто совсем иное – слов, чтобы описать представший моим глазам объект, у меня не хватало, но я мог видеть движение, некую пульсацию и одновременно различить полное отсутствие всего, даже формы!

– Стоп, не увлекайся, – брат Пон взял меня за руку, слегка встряхнул, а затем повернул так, чтобы я глядел в сторону от Чеди Луанг.

Я моргнул, и наваждение исчезло.

– Очень хорошо, что ты это рассмотрел, – сказал монах. – Внутри ступы – Пустота. Конечно, она внутри всего, но именно тут ее проще всего увидеть и даже понять ее природу, не целиком, на что способны лишь величайшие, но хотя бы краешек...

Желание спросить жгло не хуже раскаленного железа, но я держался, только нервно сжимал кулаки. Брат Пон, судя по хитрой усмешке, осознавал мое состояние, но не собирался облегчать мне жизнь.

– Для начала ты должен усвоить ту мысль, что Пустота, Шуньята, есть Татхата, Таковость, неотъемлемое свойство реальности, всего, что нас окружает. Что на самом деле все, начиная с Чеди Луанг и заканчивая твоим зудящим языком, не существует и возникает лишь благодаря твоему сознанию.

Я нахмурился, пытаюсь осмыслить концепцию, вспомнить то, что брат Пон ранее говорил мне о Пустоте.

Но мысли отказывались выстраиваться в нужном порядке, им словно не хватало силы. Ощущение возникало такое, что я пытаюсь собрать мозаику из клочков бумаги, что разбросаны по поверхности воды и расплываются в стороны, да еще и не желают держаться вместе.

– Не старайся, не напрягайся, – брат Пон говорил мягко и продолжал держать меня за руку. – Находиться рядом с Чеди Луанг для того, кто так пластичен и уязвим, как ты сейчас, с одной стороны, очень полезно, а с другой – невероятно опасно. Слушай меня. Сознание отражает Пустоту и творит из нее, давая имена вещам и явлениям, именно оно решает, что молоко у нас белое, кровь алая, а листья зеленые, хотя во всех этих случаях мы имеем дело лишь с определенной длиной световой волны...

Я испытал вялое удивление по поводу того, что монах знаком с подобными терминами.

Хотя он уже не раз ставил меня в тупик своими познаниями.

– Поэтому, изменяя свое сознание, ты способен трансформировать все, что угодно, – брат Пон сделал короткую паузу. – Избавить себя от нечистого, приблизить к благому. Исключить недолжное, порождающее тревогу и страх, выстроить приносящее радость. Только для этого нужна точка опоры, и ей может стать лишь основа твоего бытия... сознание-сокровищница.

В этот момент я перестал сражаться за понимание, словно отпустил некий скользкий и тяжелый груз, который до сего момента изо всех сил старался удержать в руках.

– А теперь созерцай ее, – монах развернул меня обратно, лицом к Чеди Луанг. – Просто, безмолвно, не надеясь, что это что-то изменит, не воспринимая это как упражнение.

Наступил мгновенный провал, а затем я осознал, что сижу на одной из лавочек, расставленных вокруг ступы, и гляжу на нее: на уши каменных слонов, что слегка шевелятся на ветру, на склоны пирамиды, словно облитые стуженкой цвета закатного сияния, на неровные ступени.

И все это пульсировало, точно сердце, наполненное светом, добром, радостью... и одновременно пустое.

Сколько мы просидели у Чеди Луанг, я не мог сказать, но наверняка несколько часов. Но когда мы ушли от нее, желание задавать вопросы и вообще говорить у меня пропало начисто, от мыслей, что обычно грохочут, точно автострада, остался мягко шепчущий ручеек.

Меня совершенно не волновало, куда меня ведет брат Пон, и я забыл все тревоги насчет нашего путешествия.

Мы некоторое время шли по улицам Чиангмая на запад, словно пытаюсь догнать опускающееся к горам солнце. Пару раз нас предлагали подвезти, но монах всякий раз отказывался, и мы продолжали шлепать сандалиями по тротуару.

– Ват Суан Док, – объявил брат Пон, когда мы прошли через ворота в декоративной ограде. – Здесь у нас кладбище, где покоятся короли древней Ланны, и ради него сюда ходят туристы. Ну а для нас с тобой тут найдется место для ночлега.

Чуть в стороне остался настоящий город из небольших белоснежных ступ, наверняка поставленных над монаршими могилами. А у входа в главное святилище нас встретил коренастый пожилой монах в очках, и на лице его обнаружилась радостная улыбка.

Издав довольный возглас, он сделал вай перед братом Поном, а затем слегка кивнул мне.

В ответ я поклонился так, как надлежит младшему монаху перед старшим.

– Я представил тебя как своего послушника, немого и слегка туповатого, как все фаранги, – сообщил мой наставник после того, как они со встретившим нас служителем Будды поболтали минут пять. – Поэтому тебя никто трогать не будет, но и ты лучше никуда не лезь и веди себя скромно.

В другое время упоминание о «туповатости» могло меня задеть, но сейчас я просто кивнул – магия Чеди Луанг, заполнившая меня до краев, не оставляла места для обид и раздражения.

Для ночлега нам выделили участок пола в общей спальне для монахов и выдали пару тюфяков. Поднялись же мы до рассвета, как и обитатели Суан Док, а с первыми лучами солнца покинули его гостеприимные стены.

Двинулись в том же направлении, которое брат Пон выбрал вчера, – на северо-запад.

Вскоре Чиангмай закончился, осталась позади последняя автозаправка, и потянулась узкая, на диво пустынная трасса. Солнце поднялось и начало жарить так, словно на дворе стоял не конец января, а апрельский зной.

Мне очень хотелось спросить, куда именно мы направляемся, но я терпел и молчал.

– Просто так шагать скучно, – заявил брат Пон, когда дорога начала вилять и пошла слегка вверх. – Займись делом... Вспомни осознание пяти потоков, стань на часок своими телесными ощущениями.

Это вышло у меня с легкостью, поскольку ощущения в этот момент были четкими и сильными, хоть и не самыми приятными: болят мускулы ног, ведь пешком я вчера прошел больше, чем за последний месяц, по непонятной причине ноет спина, макушку печет, и пот катится по щекам и затылку, пульсирует боль в свежих мозолях от сандалий.

С эмоциями дело пошло сложнее, то ли оттого, что жара стала невыносимой, то ли по другой причине.

Я мечтал, просто-таки молил о том, чтобы в нужном направлении проехал хоть кто-нибудь и подобрал двух бредущих по дороге монахов, дал им место в прохладной кабине, в кузове, на крыше, где угодно...

– Теперь мысли, – к тому моменту, как брат Пон отдал этот приказ, я буквально купался в собственном поту, одежда моя наверняка намочла, глаза жгло, а сумка для подношений казалась тяжелой, словно монахи из вата Суан Док, решив подшутить над фарангом, подсунули в нее десяток кирпичей.

С неимоверным трудом мне удалось отстраниться от всего этого, сосредоточиться на том, что творилось у меня в голове: мысли текли обрывками, и вовсе не возвышенного толка, о том, что неплохо бы попить, полежать в тенечке, и вообще, куда мы тащимся и зачем я связался с этим безумным типом?

Иногда проскакивали даже идеи насчет того, что я зря три месяца работал как проклятый, на перспективу, чтобы иметь возможность отправиться в Нонгкхай...

Сидел бы сейчас у себя на балконе, пил сок, неспешно трудился на просторах Интернета.

– То, что ощущает наше тело, подобно пене на поверхности текущей воды, которая то образуется, то исчезает, – произнес брат Пон, велел мне сосредоточиться на событиях. – Эмоции – подобны пузырьку, что качается на поверхности кипятка; миг, и нет его... Мысли – иллюзиям над знойной пустыней. Дела, в коих участвуем, мудрые сравнивают с сердцевинкой бананового дерева, сгнивающей в один миг, а осознание – не более чем призрак, рожденный нами же самими.

К этому моменту мне казалось, что я целую вечность бреду по раскаленному миру, что этот путь никогда не закончится, но зато через миг моя голова лопнет от жары, а ноги от боли просто отвалятся.

Так что в мысль, озвученную монахом, я вник с большим трудом.

– Ничего, ты меня услышал, – добавил он. – Шустрее, добавим ходу, а то опоздаем!

Он вправду зашагал быстрее, а я застонал и постарался не отстать, хотя ковылял точно хромя утка.

Бусины на четках

Надежды и ожидания – один из главных источников неврозозов и фрустраций, тяжелый груз, что придавливает нас к земле не хуже рюкзака, набитого камнями.

Мы ждем, что события будут развиваться по определенному сценарию, а когда этого не происходит, что случается едва не каждый день, то испытываем гнев, раздражение и прочие негативные эмоции. И чем мощнее наша фиксация на том событии, на которое мы рассчитывали, тем сильнее будет разочарование и глубже душевная рана.

Самый простой способ от всего этого избавиться – ничего не ждать, не пытаться втиснуть будущее в прокрустово ложе своих представлений.

И тогда жить станет несколько легче.

* * *

Практически с рождения нас учат фиксироваться на собственном теле, считать его реально существующим предметом, да еще и объектом и источником целого вороха разного рода эмоций.

Слегка расшатать эту фиксацию помогает «растворение в пустоте».

Состоит эта медитация из трех этапов.

Первый – представить себя как можно более ярко, во всех подробностях вплоть до родимого пятна на лопатке и накрашенных ногтей на пальцах ног, можно обнаженным, можно в одежде.

Второй – начать растворять, стирать себя, представлять, что понемногу исчезают конечности, тело, волосы, голова, что остается только лишь мысль, не заключенная в грубую оболочку из мяса и костей.

Третий – чувство исчезновения нужно перенести на реальное тело.

Признак успеха – ощущение невесомости, свободы, отделенности от физической «скорлупы», в которой мы обычно находимся.

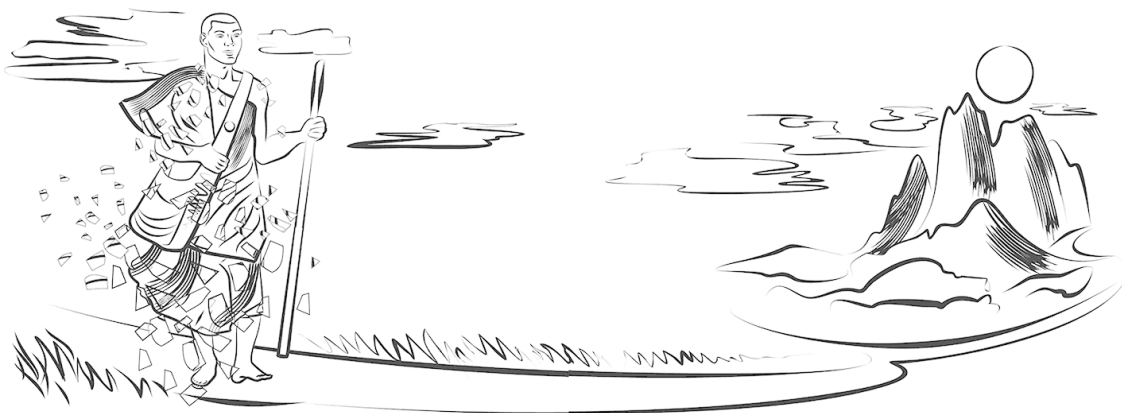
* * *

Молчание – не просто золото, а жизненная необходимость для того, кто хочет добиться свободы.

Мы не осознаем, сколько привычек и аффектов завязаны на обыкновении молоть языком. Мы несем ерунду, обманываем, ругаемся, создавая не самую лучшую карму, а вдобавок еще и укрепляем с помощью слов иллюзию собственной личности, постоянно рассказывая себе и другим о том, какие мы есть и что мы делаем.

Отвыкать от этого обыкновения нужно понемногу, постепенно, посвятить молчанию, скажем, для начала час в неделю, причем желательно не назначать его на глубокую ночь, когда мотивация к разговорам минимальна.

Затем добавить второй, уже в другой день, третий...

Глава 2

Вожди и духи

Когда моих ушей коснулось отдаленное гудение мотора, я решил, что мне померещилось: время подошло к полудню, безжалостный огненный шар висел в зените, а мы не видели ни одного автомобиля!

Уж не знаю, как брат Пон ухитрился отыскать в пределах Таиланда подобную дорогу...

Но оглянувшись, я увидел, что нас, дребезжа и качаясь, догоняет допотопный грузовик, а за ним вздымается полотнище серой пыли. Мысли о том, что я должен концентрироваться на осознании, тут же вылетели у меня из головы, грудь заныла от предвкушения.

Ну неужели...

– Лучше бы ты заговорил, – буркнул брат Пон и замахал рукой.

Грузовик остановился, и стало видно, что в кабине непонятно как, но помещается человек пять. Все они мигом высыпали наружу, принялись кланяться, трещать по-тайски и делать приглашающие жесты.

– Эти ребята едут не совсем туда, куда нам надо, – сообщил монах после коротких переговоров.

Надежда моя лопнула, точно упоминавшийся не так давно пузырь на воде.

– Но часть пути они нас подвезут, – продолжил брат Пон. – Забирайся в кузов.

Судя по мощному зловонию, в грузовике обычно возили то ли навоз, то ли скотину. Сейчас же меж бортов обнаружилось лишь несколько мешков с химическими удобрениями и два деревянных ящика, внутри которых что-то погромыхивало.

Я уселся и с наслаждением вытянул ноги, мозоли на которых полопались, и из трещин потекла сукровица.

– А чего ты расслабился? – спросил брат Пон, уперев в меня суровый взор. – Продолжай!

В этот момент грузовик рванул с места с резвостью гоночного мотоцикла, так что я едва не слетел с ящика. Торопливо схватился за борт и лишь в последний момент поймал рвущееся из горла ругательство, так что оно все же вылетело наружу звуком, похожим на задушенное карканье.

Монах смеялся до слез.

Мне же было не до смеха – сидеть оказалось неудобно, жестко, а вдобавок приходилось постоянно реагировать на рывки и повороты машины, наклоняться туда и сюда, чтобы не свалиться; солнце никуда не делось, все так же терзало мою голову, и прохладнее стало лишь оттого, что слегка обдувало ветерком.

Сосредоточиться я смог, наверное, с двадцатой попытки, но все же вернулся к прерванному упражнению.

И оно будто стало ниточкой, ведущей к тому внутреннему покою, который я обрел вчера. Сделалось редким и ритмичным дыхание, мне стало наплевать на жару, на вонь от старого двигателя, даже на то, что каждое движение отзывается вспышкой боли в намозоленных конечностях.

Я всего лишь то, что я осознаю...

Пейзаж за обочинами стал интереснее – появились громадные деревья, похожие на африканские баобабы, ближе придвинулись холмы, одетые в зеленую шкуру джунглей, промелькнула речушка и прижавшаяся к ней деревушка из нескольких домов, работающие в поле крестьяне.

Ветки одного из древесных исполинов проплыли над самой головой, я ощутил запах листвы и коры, по лицу скользнула тень от листвы, на миг закрывшей солнце, и это послужило спусковым крючком.

Цельная, связная картина мира распалась на тысячи, миллионы крохотных обрывков: острый край ящика под правой ягодицей, сухость в горле, любопытство по поводу того, куда мы все же едем, легкое негодование, что не могу спросить, мягкий хруст под шинами, смех тайцев в кабине, голубизна неба и пожухлая зелень зарослей.

Нельзя сказать, что я это видел глазами, скорее осязал даже не телом, а всем существом.

Обрывки пульсировали, каждый существовал лишь мгновение, встраиваясь в узор сотен подобных, чтобы тут же уступить место следующим, иногда почти идентичным, порой новым и совсем иным. Все вместе они создавали нечто вроде тоннеля, по которому я двигался, и в то же время я сам был этим тоннелем, – он существовал и снаружи, и внутри одновременно.

В один миг я осознал, что это тоже некая целостность, непрерывность восприятия, просто не такая, к которой я привык.

Название «пятнышек», из коих она состояла, я знал – дхармы.

Нечто подобное я испытывал ранее, в вате Тхам Пу, но тогда я находился в глухом лесу, а не в поставленной на колеса железной коробке, что ревет мотором и подпрыгивает на ухабах.

Хотя есть ли разница?

Обычное восприятие вернулось довольно быстро, но кое-какие его фрагменты растворились без следа – беспокойство по поводу нашего путешествия, раздражение из-за жары и солнцепека, мозолей и жажды. Нет, сами неприятные телесные ощущения никуда не делись, но из-за того, что я перестал уделять им внимание, как бы потускнели, отошли на второй и даже на третий план.

Брат Пон, судя по довольной физиономии, видел, что со мной произошло.

Примерно через час, когда мы оказались у перекрестка, отмеченного старой, наполовину развалившейся ступой, он подскочил как ужаленный и забарабанил кулаком по кабине. Грузовик остановился, и тайцы снова высыпали наружу маленькой, но улыбочивой и шумной толпой.

Нам досталось несколько поклонов, машина укатила по одной дороге, а мы пошли по другой.

Теперь мы шагали посреди холмов, что напоминали стадо громадных животных с выгнутыми зелеными спинами. Здесь было не так жарко, как в долине, а впереди, на горизонте, вставали настоящие горы, без снега на вершинах, но достаточно внушительные.

Неужели мы доберемся и туда?

– В этих местах тайцы не живут, – заговорил брат Пон, когда мы очутились между пропастью в сотню метров глубиной и покатым склоном, из которого там и сям торчали огромные валуны. – Тут обитают совсем другие люди, так что будь готов к сюрпризам.

Очень хотелось спросить, к каким именно, но я держался.

По всему выходило, что молчу я больше двадцати четырех часов – невероятное достижение!

Наша дорога слилась с другой, более широкой, и вскоре мы услышали позади мягкое топотание. Не успел я как следует задуматься, что это за звук такой, как нас догнали три слона с погонщиками на загривках.

Нас поприветствовали гортанными восклицаниями, и брат Пон вступил с ними в беседу.

– Махауты из племени каренов, – сообщил он по ее завершении. – Возвращаются домой. Подбросят нас немного.

Один из слонов, самый большой, остановился и вальяжно опустился на колени. Монах ухватился за протянутую руку и через мгновение оказался наверху, за спиной погонщика-махаута, щеголявшего майкой «Барселона».

А тот ободряюще улыбнулся мне и зашелся смехом, и наверняка потому, что недоверие и вопрос «как я туда заберусь?» были написаны на моей физиономии метровыми буквами. Ведь тут ни седла, ни платформы с лавочкой, на которых обычно возят туристов, ни лесенки!

– Это легко, – сказал брат Пон, и я взялся за крепкую ладонь карена.

Меня дернули вверх, я замолотил ногами по округлому боку слона, на что-то оперся, зацепился... Мелькнула мысль, что сейчас сорвусь, но монах ухватил край моей одежды и аккуратно придержал.

– Вот и все, – сказал он, улыбаясь.

Не успел я перевести дыхание, как слон начал подниматься, и ненадежная опора под мной затряслась.

– Доверяй себе, доверяй собственной реальности, позволь ей нести тебя свободно, – продолжил брат Пон. – Не цепляйся за нее как утопающий за попавшую под руку ветку, а держись слегка, чтобы не терять контакта. Так будет намного легче и тебе, и миру вокруг.

К моему удивлению, я не свалился, даже когда слон набрал крейсерскую скорость.

Монах о чем-то расспрашивал погонщика, тот с охотой отвечал, но поскольку беседа шла на тайском, я не мог понять ни слова. Так что мне только и оставалось, что глазеть по сторонам да отмахиваться от насекомых, облаком вившихся вокруг слона.

Распрошались мы с каренами на очередной развилке, и если они свернули туда, где на склоне одного из холмов виднелись террасы рисовых полей, то мы направились в сторону густого леса.

Солнце меж тем спустилось к горизонту, и я стал волноваться насчет того, где мы остановимся на ночлег.

– Ну вот, теперь, когда никто не услышит, ты можешь открыть рот, – разрешил брат Пон. В первый момент я даже не знал, что сказать.

– Спасибо, – выдал я после паузы. – А куда мы идем? Там деревня или что?

– Да, деревня там есть, – беззаботно отозвался монах. – Но до нее еще далеко. Сегодня нас приютят джунгли.

Я слотнул, холодок коснулся моего затылка.

Нет, в пионерском детстве и даже в юности были у меня походы, и пешие, и на байдарках, но там всегда имелись палатки, спальники и прочее, и ночевали мы не в тропических зарослях, где и змеи, и ядовитые насекомые, и еще какая-нибудь неведомая пакость.

– Но как же... Это ведь... Ну... – начал я, пытаюсь облечь в слова свое неприятие этой идеи.

– Боишься? – перебил меня брат Пон.

Я хотел возразить, но понял, что и в самом деле испытываю нечто похожее на страх.

– Боишься, – второй раз монах произнес это слово уже утвердительно. – Печально. Ненависть, живущая внутри тебя, так и не изжита до конца и проявляет себя в том числе и таким образом.

– Но я же столько сделал, чтобы ее одолеть!

– Когда ты с чем-то борешься, ты даешь этому явлению силы и право на существование. Осознай, что оно лишено истинной реальности, что это лишь искажение, набор морщин на поверхности Пустоты, и оно исчезнет, растворится само, без усилий... Ага, вот неплохое место для ночлега.

Дневное светило к этому времени исчезло за деревьями, и шагали мы в густеющем сумраке.

«Неплохим местом» оказалась крохотная поляна под кроной исполинского лумбанга, увешанного коричневыми плодами. Позади него обнаружился ручей, узкий по зимнему времени, но с очень чистой водой.

Мы умылись и напились, а затем брат Пон набрал веток и развел костер.

К этому времени стемнело так, что я не видел ни дороги, ни соседних деревьев, лишь толстый морщинистый ствол и белые крапинки звезд, что кое-где просвечивали через крону.

Я слышал мягкий шорох, хруст веток, и воображение охотно рисовало образы подкрадывающихся хищников. От страха я ежился и вскидывал голову на каждый резкий звук, каких в ночных джунглях хватает.

– Хочешь увидеть, что там? – спросил брат Пон, усевшись рядом со мной.

Не дожидаясь ответа, он наклонился и взял меня за запястье, и тьма вокруг словно выцвела. К собственному изумлению, я обнаружил, что мы окружены сонмом ужасающих существ – нечто вроде гориллы, но на паучьих ногах, змеиная голова с крыльями огромной стрекозы, комок щупалец размером с автомобиль, карлик с волчьим черепом на плечах.

– Думаешь, они там, снаружи? – мягко прошептал монах мне в ухо. – Нет, не так. Они внутри, это часть тебя самого.

Он убрал руку, и видение исчезло, но я знал, что мерзкие твари никуда не делись, что они здесь, рядом, и что когда погаснет костер, они бросятся на меня и разорвут на куски. От ужаса сдавило грудь, перехватило горло так, что я не мог даже запищать, сердце будто вовсе перестало биться.

– Давай спать, – сказал брат Пон как ни в чем не бывало. – Прошли сегодня немало.

Он улегся прямо на землю, взяв вместо подушки сумку для подношений, и вскоре засопел. Я же остался в одиночестве, скорчившись у огня и с тревогой вглядываясь в окружающий нас мрак.

В какой-то момент усталость взяла верх над страхом, и я отключился.

Проснулся от пронзительных воплей над самой головой и обнаружил, что издают их черно-белые, похожие на сорок птицы, решившие встретить восход солнца на дереве, под которым мы устроились. Тело мое от спанья на голой земле затекло и болело все, от макушки до пяток, но зато от ночных страхов осталось лишь легкое послевкусие где-то на краю сознания.

Брат Пон сидел, скрестив ноги, и задумчиво глядел вдаль.

– Доброе утро, – сказал он, обратив на меня сияющий взгляд. – Как спалось?

Я вовремя вспомнил, что должен молчать, ответил кривой улыбкой и неопределенным пожатием плеч.

– Хватит валяться, поднимайся, – велел монах. – Займемся твоим обучением.

Умывшись и слегка размявшись, я вернулся туда, где находился брат Пон, и уселся напротив.

– То тело, которым ты в данный момент пользуешься, является фикцией, – сказал он, внимательно разглядывая меня. – Это с одной стороны. С другой – оно реально. Только вот тому, кто стремится к свободе, надлежит создать на основе этого тела другое, более совершенное...

У меня мелькнула робкая мысль, что монах говорит иносказательно, но ее тут же затмила другая – нет, скорее всего, я в данный момент просто не в состоянии понять, что он имеет в виду.

– Как сказал некогда Просветленный, – голос брата Пона стал торжественным, – «показал я своим ученикам способ, каким они могут извлечь из этого тела, составленного из четырех элементов, другое тело, созданное разумом, совершенное во всех своих частях и членах... Это подобно вытаскиванию камыша из оболочки, или мечу, который достают из ножен, или змее, сбрасывающей кожу. Нужно только понимать, что камыш, змея, меч – это одно, а оболочка камыша, кожа, ножны – это другое».

Некоторое время он помолчал, давая мне освоиться с предложенной идеей, затем продолжил:

– Стартует этот процесс с создания в старом теле «алмазных зародышей». Включается он «вниманием дыхания», с которым ты знаком, и к нему присоединяется медитация на объекте...

Упомянутое братом Поном упражнение началось для меня с созерцания дерева, чей образ я целиком перенес внутрь себя, а затем сумел каким-то образом переключить восприятие так, что из человека, смотрящего на растение, стал растением, глядящим на человека.

– Давай, закрывай глаза и вспоминай, – велел монах. – Ветки, ствол, листья...

Я закрыл глаза, начал считать вдохи, как положено при «внимании дыхания». Образ дерева, что служило мне объектом для медитации, явился из памяти почти тут же, но смутный и расплывчатый.

– Сосредоточься. Ты должен увидеть его так, словно оно находится прямо вот тут.

Несмотря на все мои усилия, ничего не получилось – я пробовал и так и сяк, но смог добиться лишь безжизненной, плоской картинки, норовившей к тому же развалиться на облако разноцветных пятен.

– Ну ничего, – сказал брат Пон. – Будешь пробовать на ходу. Пора в путь.

Открыв глаза, я обнаружил, что солнце поднялось, а черно-белые птицы, так громко оравшие на рассвете, исчезли.

– Да, на ходу, – подтвердил монах, увидев на моей физиономии явственное недоумение. – Шаги, счет вдохов, концентрация на объекте, и все это одновременно... Кто сказал, что будет легко?

Я мрачно засопел и поднялся.

Ужина у нас не было, завтрака тоже не предвиделось, но это меня как раз не беспокоило – после прошлого учебного «семестра», прошедшего в вате Тхам Пу, я избавился от привычки есть регулярно.

Зато мозоли после первого же шага напомнили о себе, да так, что я едва не застонал.

Через какое-то время стало легче, и я смог вернуться к поставленной братом Поном задаче. С «вниманием дыхания» проблем не возникло, его я освоил на отлично, а вот вызвать и удерживать в сознании образ дерева, да еще и шагая по неровной дороге, оказалось непросто.

Пару раз я едва не упал, затем все же свалился и расшиб колено до крови.

– Ничего, терпи, – приговаривал монах, с улыбкой глядя, как я корчу негодующие гримасы. – «Алмазные зародыши» так и возникают, через боль, труд и пот, и даже кровь.

А затем у меня получилось.

В какой-то момент я увидел то дерево, которое созерцал год назад, от пучка веток на макушке до выпирающих из земли корней, серых и голых, и даже остановился, чтобы не налететь на него.

– Великолепно! – воскликнул брат Пон. – Держи! Держи! Бери его с собой!

Я сделал шаг, другой, образ заколыхался, стал менее четким, но не рассеялся. Поплыли назад густо заросшие обочины, а дерево осталось рядом, то ли спереди, то ли сзади, я не мог понять, где именно.

Я смог, я справился!

На миг меня пронзило ликование, острое, точно игла, и тут же дерево начало расплываться. Я отстранился от затопивших меня эмоций, и все стало как раньше – растение, избранное мной для упражнения, я мог видеть с невероятной четкостью, до трещин в коре и жучков на листьях, мог даже потрогать его при желании!

Там мы и шли в полном молчании среди поросших лесом гор, неторопливо и уверенно, и я действительно «нес» с собой свое дерево, разве что не положив на плечо. Напряжения это требовало почти такого же, как если бы я тащил настоящее бревнышко, но вызывало не усталость, а приятную истому.

За день мы не встретили вообще никого, а из признаков того, что в этих местах вообще живут человеческие существа, оставалась только дорога под нашими ногами, – даже не дорога, а широкая тропа.

Зато видели белку-летягу, что красно-коричневым осенним листом длиной в полметра спланировала с одного дерева на другое.

Мозоли мои начали подживать, и передвигался я уже более уверенно.

В животе, конечно, было пусто, но это меня не беспокоило.

Ближе к вечеру начали попадаться отделенные друг от друга рядами деревьев участки земли, некогда расчищенные, потом снова заросшие, а над горами впереди поднялись серые столбики дыма.

Затем мы встретили мальчишку лет шестнадцати в рубахе и просторных штанах, шагавшего куда-то с мачете на плече. Завидев нас, он выпучил глаза, поклонился, а дождавшись ответного приветствия, удрал с такой скоростью, что только засверкали пятки.

– Это земли луа, – сказал брат Пон. – Они очень любят гостей. Так что готовься. Банкоматов в этих местах нет, зато водятся забавные человеческие существа.

Не прошагали мы и километра, как дорогу нам преградил крепкий, хоть и седой мужик с бутылкой мутной жидкости в руке. Последовал новый обмен поклонами, за ним вполне европейское рукопожатие, и посудина была гостеприимным жестом предложена нам.

Я ощутил резкий запах самогона.

Брат Пон отрицательно покачал головой и произнес несколько слов.

– А-ха-ха! – отозвался высокий, расплываясь в немного щербатой ухмылке, и разразился пылкой речью.

Выслушав ее, брат Пон кивнул и повернулся ко мне.

– Почтенный саманг Нанг Ка Тхан приглашает нас разделить трапезу и все прочее, – сообщил он. – Он тут вождь, поскольку является потомком королей, что некогда правили народом луа и тягались даже с владыками Чиангмая, а в бутылке пляя – рисовая водка. Предложил он ее нам, чтобы убедиться, что мы настоящие жрецы в оранжевых одеяниях.

Саманг поманил нас и сам зашагал впереди, не забывая время от времени прикладываться к посудине.

Вскоре показалась деревня: единственная улица, два ряда домов на сваях, с крышами из материала, напоминающего тростник. Поглазеть на нас высыпало все местное население: круглолицые девушки, беззубые старухи с трубками, голопузые детишки, тарасившие черные глазенки, квохчущие курицы, грязные любопытные поросята.

– Селение называется Па Пае, – шепнул мне брат Пон.

Вождь остановился посреди улицы и принялся громогласно вещать, размахивая своей бутылкой. Толпа отозвалась радостным гулом, а несколько улыбающихся юношей сорвались с места и убежали.

– Сейчас нас отведут в дом для гостей, – сказал монах. – А затем будет пир.

В этот момент я увидел в толпе старика, что рассматривал нас с насмешливым интересом, – на шее у него болталось ожерелье из камешков, голову украшала цветастая повязка, а морщины на дубленой физиономии были глубокими, точно раны от ножевых порезов.

Не знаю почему, но мне под его взглядом стало неуютно, и я отвел глаза.

– Это колдун, главный специалист по общению с духами, – брат Пон, как обычно, замечал все, что происходит вокруг. – Ими, если верить луа, битком набиты окрестные леса. Ага, пойдем...

Нас отвели в гостевой дом, что выглядел немного больше прочих, но в покое не оставили: каждую минуту заглядывал кто-то из местных, просто чтобы поглазеть, улыбнуться или кивнуть.

– Жить один – нет веселья, – на ломаном английском сообщил нам один из мужчин. – Мы двери всегда открывать!

Колдун нас не навестил, и не скажу, что это меня опечалило.

Вскоре донесся аромат жареного мяса, и брат Пон объяснил мне, что у луа есть налог на убой скота, который должен собирать саманг. Платить его никто не хочет, и поэтому когда приходит время пира, то буйвола душат веревкой и привязывают к крепкой ветке; потом с горестными причитаниями объявляют, что зверь сошел с ума и «повесился».

На празднество нас позвали в сумерках.

И тут сердце мое упало, поскольку места наши за длинным столом, накрытым прямо на улице, под навесом из пальмовых листьев, оказались между вождем и колдуном, встретившим нас злобной улыбкой.

– Я знать – ты врать, – прошептал морщинистый старик мне в ухо, едва я уселся. – Говорить мочь!

Английским он, к сожалению, владел в достаточной степени.

Пошли по рукам бутылки с плаей, появились огромные блюда с фруктами, миски с рисом. Нам предложили лучшие куски повесившегося буйвола, но брат Пон вежливо отказался.

Саманг произносил тосты, луа смеялись, девушки стреляли глазками ничуть не хуже их подруг из больших городов. Я же сидел как на иголках, поскольку колдун, от которого разило точно из бочки с самогоном, не забывал время от времени наклоняться ко мне и говорить какую-нибудь гадость или просто злобно ржать, тыкая в меня пальцем, твердым, как сучок.

Брат Пон наверняка видел, что происходит, но не спешил вмешаться.

Когда мы глубокой ночью вернулись в отведенное нам жилище, монах не разрешил мне открыть рот, несмотря на мою недовольную физиономию и на красноречивые жесты, которыми я выражал злость и желание пожаловаться.

Чего этот старый хрен ко мне прицепился? Что я ему сделал?

Но брат Пон остался непреклонен, и утром, когда я проснулся в том же раздраженном настроении, он ничуть не смягчился.

– Ничего хорошего и полезного ты все равно сейчас не скажешь, – заявил он, выждав, пока я закончу изображать гнев. – Так что лучше вспомни про свое дерево. Давай, восстанавливай его и начинай второй этап, переноси в него сознание. Не важно, что при этом творится вокруг.

Я сердито почесал в затылке и приступил к делу.

Но тут как назло явился саманг, почему-то без бутылки, и с шутками, прибаутками повел нас куда-то за пределы деревни.

– Через неделю придет время вырубать и выжигать участки под новые поля, – объяснил брат Пон. – Поэтому нужно задобрить духов леса, огня, воды и риса и начать это дело лучше заранее. Сегодня первая церемония по этому поводу, и наиболее важная.

Сведения эти заставили меня погрузнеть – где духи, там и колдун.

И точно, около алтаря на огромном пне, торчащем посреди горного склона на границе двух участков, обнаружился мой вчерашний «друг», только на этот раз обнаженный по пояс и с длинным жезлом, увешанным медными колокольчиками, в жилистой руке.

При взгляде на него я испытал приступ неприязни, но тут же отстранился от этого чувства и сосредоточился на своем дереве. Созерцать его оказалось трудно, поскольку мы очутились в самом центре довольно шумного действия, что закрутилось вокруг алтаря и больше всего напоминало экзотическую дискотеку «для тех, кому за пятьдесят».

Пожилые женщины с подносами в руках, заваленными пачками табака, отрезами ткани, рисовыми лепешками и кусками вяленого мяса, пошли хороводом, издавая нечленораздельные

крики. Мужчины, сплошь солидные, не одного молодого лица, – и вождь среди них – поддерживали все это дружным уханьем.

Колдун забегал вокруг алтаря, время от времени тыкая в него звенящим жезлом.

– Духи придут! – воскликнул он на английском, оказавшись рядом со мной. – Бояться! Прогонять! Пожирать!

Я с невероятным трудом удержался, не дал ускользнуть вниманию, что как раз начало двоиться, и по ногам разлилось онемение, будто их покрывала не кожа, а слой толстой коры.

Как ни удивительно, но после того, как колдун указал жезлом в мою сторону, я ощутил что-то вроде толчка в живот. Затем меня хлопнули по плечу, нечто коснулось затылка, шевельнуло волоски на икре, острые зубы вцепились в большой палец на ноге.

«Брат Пон, на помощь!» – хотелось закричать мне.

Неужели этот морщинистый тип и вправду натравил на меня своих духов?

Но монах никак не отреагировал на происходящее, продолжил улыбаться как ни в чем не бывало. Уж не знаю как, но я сумел удержать концентрацию, отвлекся от тревожных ощущений, от шума, от криков, от собственного беспокойства и бурчания в желудке.

И в один миг я осознал, что окружен странными подвижными объектами, которые размахивают ветвями и скачут туда-сюда, и что ветер слегка колышет мои листья, а солнце греет ствол.

Мне, дереву, было все равно, что некоторые из подвижных объектов носятся по воздуху, как раздраженные пчелы, хоть и не имеют крыльев. Мне, человеку, лица на искаженных крохотных телах напоминали физиономии людей и морды зверей и странным казалось то, что головы их покрывали не волосы, а шерсть и серые перья.

Видение продлилось лишь миг, и в следующий момент все стало как обычно.

Брат Пон хмыкнул, негромко, но одобрительно, зато физиономия колдуна отразила дикую ярость. Он шархнул жезлом по пню с такой силой, что один из колокольчиков оторвался и улетел в сторону.

Мужчины во главе с вождем ринулись его подбирать.

Церемония вскоре после этого закончилась, и нас захотели было повести еще на одну, на соседнем поле, но брат Пон сумел отвертеться от этой сомнительной чести, и мы вернулись в деревню.

– Ну вот, можно и поговорить, – сказал он, когда мы забрались к себе в дом. – Никто нас не побеспокоит.

– Почему я ему так не понравился? – поинтересовался я без малейших эмоций.

Брат Пон мгновение насмешливо смотрел на меня, а когда заговорил, стало ясно, что на вопрос он отвечать не собирается:

– Ты должен понимать, что люди появляются на твоём пути не просто так. Любые. Случайные знакомые и старые друзья, соседи в транспорте и соперники в делах, каждый из них приведен к тебе кармой.

– Это я понимаю.

– Да ну? – брат Пон выразительно поднял брови. – Почему тогда так взбесился? Вчера?

– Ну он же...

– Он меня не интересуется! – отрезал монах. – Старый насмешник лишь развлекается. Ну а ты?

Я нахмурился и смущенно шмыгнул носом.

– Каждый человек, с которым ты сталкиваешься, даже самый невыносимый и мерзкий, – вовсе не наказание, хотя можно воспринимать его и таким образом. Нет, это либо возможность исчерпать некую карму, либо шанс изменить что-то в себе, научиться чему-либо новому.

– Но чему меня может научить этот кривляка? – спросил я.

– А ты поразмысли над этим. Чуть позже, когда рот твой вновь будет закрыт. Только учти, человек, вызывающий у тебя негативные эмоции, на самом деле является не более чем зеркалом, в котором отражается твоя собственная проблема, пусть слегка преувеличенная и искаженная. Какой смысл гневаться на отражение, ругать его, злиться?

Я пожал плечами.

– Меж тем люди обычно так себя и ведут, – тут брат Пон покачал головой и цокнул языком. – Куда разумнее взглядеться в зеркало, понять, ради чего его прислала тебе милосердная судьба... Наш друг колдун, например, столь же раздражителен, как и ты. Несдержан и агрессивен, склонен к ненависти в адрес окружающих... Разве не так?

Я открыл рот, чтобы возразить, но был остановлен резким жестом.

– Нет времени спорить! – безапелляционно заявил монах и неожиданно спросил: – Помнишь ли ты цепь взаимозависимого происхождения?

Резкая смена темы являлась одним из его любимых педагогических приемов, когда-то она сбивала меня с толку, но позже я привык.

Еще бы, как не помнить!

Ее изображение и детали намертво отпечатались в моей памяти после того, как я несколько месяцев рисовал на земле бхавачакру: слепой, горшечник с горшками, обезьяна, человек в лодке посреди океана, дом с запертыми окнами и дверями и так далее, всего двенадцать звеньев.

– Отлично, – сказал брат Пон, не дожидаясь подтверждения. – Теперь смотри. Усвоенная тобой схема объясняет, как возникает положение, в котором находится обычный человек: неведение порождает формирующие факторы, те определяют появление сознания, вокруг того нарастает то, что именуется форма-и-имя, и так далее... Только использовать ее можно и в обратном направлении – не для того, чтобы создать те путы, что привязывают нас к Сансаре, а для их разрушения!

– Это каким образом?

– То, что звенья перечисляются в определенном порядке, вовсе не означает, что они следуют одно за другим, как вагоны в поезде. Нет, они существуют все вместе, определяют друг друга одновременно и связаны каждое с каждым. И если убрать одно...

– Другие тоже начнут исчезать? – предположил я.

Брат Пон кивнул:

– Совершенно верно. Если нет неведения, то пропадают формирующие факторы... Убери сознание, неоткуда взяться форме-и-имени. И начинать можно с любого места. Понимаешь?

– Но как ликвидировать, например, ту же старость и смерть? – спросил я, вспомнив последний этап цепи взаимозависимого происхождения. – Разве это по силам человеку?

– Нет, конечно. Поэтому работу с цепью начинают обычно с первого звена. Невежество, то самое, с которым мы с тобой активно разбирались в прошлый раз. Вспомни наши беседы, то, сколько всего ты узнал о себе и о мире. Все не просто так. Второй этап начинается после того, как вся структура несколько ослаблена, а здесь берутся за звено номер восемь, за влечения и страсти, которыми охвачено любое живое существо в Сансаре.

Соответствующую картинку я помнил, она изображала человека с чашей вина.

– Для всех этих явлений в санскрите есть слово тришна, – продолжил монах. – Реализуется она через следующие десять привязанностей – убеждение в реальности собственного «я», сомнение в возможности достичь свободы, вера в обряды и ритуалы, стремление к наслаждениям, недоброжелательность, любовь к земной жизни, стремление к жизни на небесах, гордыня, самооправдание и убежденность во всемогуществе ума. Некоторыми из них ты уже занимался, на другие не обращал внимания...

– Но что я со всем этим должен делать?

– То же, что и всегда, – улыбка у брата Пона была лучезарной. – Осознавать! Схватывать моменты, когда тришна в одном из своих обличей проявляет себя! Вспомни! Свет осознания заставляет чахнуть самые ветвистые и ядовитые сорняки, возвращенные невежеством!

Он замолчал и некоторое время разглядывал меня, улыбаясь лучезарно, точно голливудский актер. Заговорил вновь, лишь когда стало ясно, что я хоть в какой-то степени усвоил сказанное.

– Нет влечений и страстей – лишаешься, с одной стороны, различения чувства приятного, неприятного и нейтрального, а с другой – привязанности к существованию.

На колесе бхавачакры эти звенья изображались человеком со стрелой в глазу и его сородичем, срывающим плоды с дерева.

– Можно раскрутить дальше, но ты, я думаю, и сам справишься, – сказал брат Пон. – Займись на досуге...

Монах издевался, знал прекрасно, что в его компании досуга мне не видать.

– Вопросов нет? Тогда закрывай рот...

– Один есть! – поспешно сказал я. – Когда колдун вызывал духов, вы ведь могли... Имели силы его остановить?

– Само собой. Я мог расколоть землю под его ногами, призвать драконов с горных вершин, – на этот раз я не мог сказать, шутит брат Пон или говорит серьезно. – Только как сказал один из просветленных – тот, кто демонстрирует сверхъестественные силы перед толпой, похож на женщину, прилюдно обнажающую собственные гениталии. Удовлетворен? Теперь молчание, ибо у нас будут гости...

Да, кто-то с нарочитым топотом уже поднимался по лестнице.

День мы провели в Па Пае, наблюдая за неспешной жизнью луа, за тем, как из бамбуковых побегов плетутся талиа – нечто среднее между берегами и гербовыми знаками, которыми помечают земельные участки, распределенные между семьями по жребью.

Как объяснил нам саманг, делают их для торговцев, что увозят талиа на продажу в «большие дома в долине», и само собой, чтобы не рассердить духов, допускают нарочитые ошибки в рисунке, которые под силу заметить только луа. Чужак-фаранг, купивший такую штуку в качестве сувенира, останется доволен, ну а хозяева леса, гор и воды не разгневаются.

Местные охотно звали в гости, показывали, как живут, угощали всем, что находилось в доме. Для меня вещи из современности вроде бензопилы или постера с Томом Крузом выглядели дико рядом с глиняной посудой, самодельными циновками и искренней верой в лесных духов.

Колдун пару раз появлялся рядом, но теперь я встречал его совсем не так, не с раздражением, а с нетерпеливым ожиданием – неужели со стороны я выгляжу так же злобно, насмешничаю и кривляюсь? Он видел, что мои эмоции изменились, и морщинистая физиономия становилась все мрачнее и мрачнее.

Переночевали в том же доме для гостей, а утром, на рассвете, брат Пон заявил, что мы уходим. Провожать нас вышла вся деревня во главе с вождем, от древних стариков до грудных ребятишек.

Нанг Ка Тхан разразился длинной речью, на которую монах ответил парой слов. Саманг развел руками и отступил, как бы показывая, что он более не при чем, и мы, помахав местным на прощание, двинулись в путь – дальше на северо-запад, туда, где сквозь кроны просвечивали особо неприветливые горные вершины.

Сумки наши были набиты сушеными фруктами, лепешками и всем прочим, что добрые луа дали гостям в дорогу.

– В тех местах, куда мы направляемся, обитают гневные духи, – сказал брат Пон, когда селение исчезло из виду. – По крайней мере, так говорит вождь, а его науськал твой морщинистый приятель... Не боишься?

Я помотал головой.

Страх, одолевший меня в ту ночь, когда мы впервые заночевали в горах, рассеялся без следа.

– Хорошо, – монах кивнул. – Вижу, ты до смерти хочешь знать, куда мы идем...

Чувства мои он, как обычно, прочел безошибочно.

– Но увы, сказать этого тебе не могу, – продолжил брат Пон после моего кивка и засмеялся.

Ну да, глупо ждать другого.

Тропка, по которой мы шагали, спустилась в узкое ущелье, и некоторое время мы шагали по нему. Затем выдался отрезок крутого подъема, и мы очутились на неожиданно голом, каменистом склоне, где солнце напомнило, что мы по-прежнему в тропиках, хоть и не на курорте.

Этот момент брат Пон выбрал, чтобы начать очередную беседу.

– Много раз я упоминал, что все, чем мы занимаемся, ведет в конечном итоге к освобождению, – заявил он. – Настало время рассказать подробнее, что имеется в виду и что именно ждет тебя в конце пути.

Я пыхтел и потел, стараясь не отставать от шустрого монаха, что мчался по тропе, словно одолеваемый похотью горный козел. Но при этом я был вынужден ступать осторожно, чтобы не потревожить едва зажившие мозоли.

– Древние использовали для этого термин «бодхи», грубо говоря – просветление. Имеются и другие, их много, но это как раз яркий случай того, что слова бессильны отразить некое явление, они скорее искажают картину, чем проясняют ее... О том, кто достиг бодхи, сам Будда выразился следующим образом: «Он не может быть назван как наделенный телом, чувствами, представлениями, волей, знанием; он свободен от этих определений, он глубок, безмерен, непредставим... Нельзя сказать „он есть“, „его нет“, „он есть и нет его“ или „он ни есть, ни отсутствует“...»

Честно говоря, подобная теория показалась мне странной.

Вот, например, брат Пон, наверняка достигший просветления, вроде бы реально существует, иначе кто же шагает рядом со мной, не уставая молотить языком... И в то же самое время нельзя сказать, что «брат Пон есть», нельзя утверждать, что он обладает телом или чувствами?

Но я же могу ткнуть его пальцем в плечо или прочесть эмоции на круглом лице!

Голова моя загудела от вопросов, на миг показалось, что на плечах у меня – пчелиный улей.

– Ничего, еще найдется время для разъяснений, – сказал монах, наверняка понимавший, что со мной творится. – Пока лишь уложи это в свое сознание, и хватит.

За последние дни он загрузил меня немалым количеством новых идей. Обдумывать их приходилось в буквальном смысле на ходу, да еще и не забывая о полном осознании, о концентрации на объекте и прочих упражнениях, которые я должен был выполнять...

Я вроде бы просто шел, и даже не всегда в гору, ничего особенного не делал, не нес груза, но уставал страшно.

Мы шагали до самого вечера, но не видели живых существ, кроме животных. Крохотные лори наблюдали за нами огромными глазами, сонно моргая, в вышине парила хищная птица, черный крестик на голубой ткани неба, рев и вопли доносились из чащи, но кто их издавал, я мог только догадываться.

Гневных духов, несмотря на предупреждение колдуна луа, мы не встретили. Скорее всего, он их просто выдумал, хотя, может быть, бесплотные обитатели этих мест убралась с нашего пути.

Вновь говорить брат Пон мне разрешил, только когда мы остановились на ночлег.

Сил к этому времени у меня сохранилось немного, и утренний запал прошел, так что я без особого энтузиазма спросил:

– Но вот просветление, да, в конце пути... а как же нирвана?

Монах рассмеялся и сунул в костер палку, отчего вверх полетел сноп оранжевых искр.

– Обсуждать этот предмет – еще менее осмысленное занятие, чем говорить о Пустоте или бодхи.

– Но какова она? Можно хоть привести пример, на что похожа нирвана? – продолжал настаивать я.

– Ну смотри... ведь есть такая штука, как ветер?

И словно подтверждая слова монаха, над нашими головами пронесся порыв, и кроны зашумели, деревья закачались.

– Есть, – признал я.

– Тогда опиши мне ветер, назови его цвет и форму, определи длину его и ширину.

– Но это же невозможно! – от возмущения я даже расхотел спать, хотя только что глаза мои слипались.

– Вот точно так же нирвана есть, но описать ее или сравнить с чем-либо я не смогу. Никто не в состоянии это сделать, а кто утверждает, что может, – врет самым бессовестным образом.

Раздражение мое улеглось так же быстро, как и появилось.

В эту ночь никакие страхи и призраки меня не смущали, и я спокойно продрях до рассвета. Доев остатки вчерашних подношений, мы отправились в путь по утреннему холодку.

Спустились в русло пересохшей реки, усеянное камнями, и на первом же шаге один из них с рокотом поехал у меня под подошвой. В лодыжке мягко хрустнуло, от боли я прикусил губу и завалился набок, только и успев подставить руку, чтобы не удариться плечом.

Через миг я уже сидел, ощупывая раздувающуюся на глазах ногу, а брат Пон озабоченно разглядывал меня.

– Вывих, – заявил он. – Знак того, что мы слишком быстро идем.

Я мог бы много что сказать по поводу этого «знака», и только обет молчания помешал мне это сделать.

Монах помог мне подняться, и я попробовал сделать шаг и вроде бы даже преуспел. Затем поскользнулся на очередном камне, и боль ударила с новой силой, да так, что на глазах у меня выступили слезы.

Дорога превратилась в сплошное мучение.

Двигались мы теперь очень медленно, я с трудом осознавал, что находится вокруг, деревья и кусты слились в серо-зеленое марево. Голова кружилась, нога пульсировала и горела огнем, по спине пробегали волны холодной дрожи.

Когда мы наконец остановились передохнуть, меня трясло как в лихорадке.

– Сейчас я вырежу тебе костыль, – сказал брат Пон, оглядев мою лодыжку. – Приспособишься как-нибудь...

Я замотал головой, тыча себе в рот, показывая, что мне нужно кое-что сказать.

– Ты наверняка желаешь заявить, что идти не в силах, что тебе нужно в больницу, – монах смотрел на меня непреклонно и даже сурово. – Не нужно озвучивать эту ерунду. Ближайший госпиталь в нескольких сотнях километров, возвращаться к луа мы не можем, поскольку там мы сделали все, что были должны... Остается только идти вперед.

«Я же погибну! Мы оба содохнем тут, в этих горах!» – хотелось закричать мне.

– Разбить здесь лагерь на пару дней? Охотиться служителю Дхармы не к лицу, – продолжил брат Пон, не демонстрируя ни малейших следов жалости. – Тебе же надо есть. Кроме того, в этих местах водятся хищники, что будет не прочь закусить человечинкой.

От этих его слов мороз продрал меня до костей.

Неужели мне и вправду предстоит навсегда остаться в этих чащобах, и падальщики обглодают мой костяк? Никто из друзей и родственников не узнает, куда я пропал, что случилось со мной?

Брат Пон исчез в зарослях, а я остался лежать, судорожно дыша и пялясь в небо.

Вернулся он быстро, принес толстую ветку с рогаткой и принялся командовать:

– Давай, вставай. Подсовывай ее под руку, вот здесь хватайся... И двинулись. Подгибай конечность и прыгай. Вот так, хорошо... очень хорошо, можно не спешить...

Поначалу у меня ничего не вышло, самодельный костыль едва не вывернулся из ладони, но затем я приспособился. Даже нога вроде бы стала болеть меньше, хотя от перегрузки принялась ныть вторая, здоровая.

– А я буду тебя отвлекать, мешать тебе думать о всяких глупостях, – сообщил брат Пон, когда мы взяли штурмом пологий склон, в дождливый сезон бывший берегом горной речушки. – Давай подумаем, как выглядит твое нынешнее состояние с точки зрения высшего, восьмого сознания, той самой сокровищницы, о которой мы недавно говорили.

Я взглянул на монаха как на сумасшедшего – ну и момент он выбрал!

Но тот ничуть не смутился.

– С низшими все понятно – это боль, злость и страх, это горестные мысли, события вроде бы катастрофические. Но как это смотрится с точки зрения того потока, что стоит за всеми этими вещами? Ты еще не начал слышать красноречивое молчание алая-виджняны?

Я только плечами пожал.

Если я чего и слышал в этот момент, то собственные, не очень радостные мысли.

– Пока нет, но это ничего, – продолжал монах так же жизнерадостно. – Услышишь. Нужно только не забывать, чем ты на самом деле являешься...

И эти слова будто тронули некий спусковой крючок внутри меня.

Я не понял, что произошло, более всего это напоминало внезапную смену перспективы, когда смотришь на картинку-загадку и в хаосе пятен внезапно различаешь лицо или прыгающего кота.

Мысли никуда не делись, как и боль, как и страх, перемешанный с жалостью к себе.

Просто я глядел на все это со стороны, сумел отстраниться не от одного потока, а от всех одновременно, перестать отождествлять себя со всеми видами сознания вплоть до ума! В то же время я не прекратил воспринимать, что происходит вокруг, видел растения, похожие на веера из громадных зеленых пластин, торчащих прямо из земли, шершавые стволы лесных гигантов, сидящую на ветке большую птицу, бордовую, с черным клювом, белой грудкой и того же цвета хохолком.

И я двигался через все это, мягко, безболезненно, словно катился.

Бусины на четках

Пытаясь активно управлять событиями, мы обычно прибегаем к насилию – над собой, другими, над обстоятельствами. Норовим переделать все под себя, вцепляемся в реальность изо всех сил, боремся с отдельными ее элементами, тратим силы, время и... ничего не добиваемся.

Сражаясь с чем-либо, со своим недостатком, с соседями, с властями или хулиганами, что мусорят у подъезда, мы тем самым наделяем их избыточным значением, даем им энергию и право на существование.

Единственный путь к победе в этой бессмысленной войне – отпустить хватку, отказаться от насилия, расслабиться, позволить событиям нести себя,

а самому лишь наблюдать за ними, как за бликами света на поверхности воды, осознавая, что все наши битвы, победы или поражения не более чем мимолетная иллюзия.

* * *

К медитации на объекте «для продвинутых пользователей» можно приступить только в том случае, если освоен ее более простой вариант.

Первый этап – вспомнить объект, восстановить его образ в памяти до мельчайших подробностей, сконцентрироваться на нем с такой силой, чтобы он стал настолько же реален, как и окружающая обстановка.

Второй состоит в том, чтобы представлять себя на месте объекта и воспринимать себя со стороны.

В этом упражнении не стоит слишком усердствовать, и выполнять его нужно с осторожностью, если же что-то не выходит или наблюдаются побочные эффекты, то прервать практику.

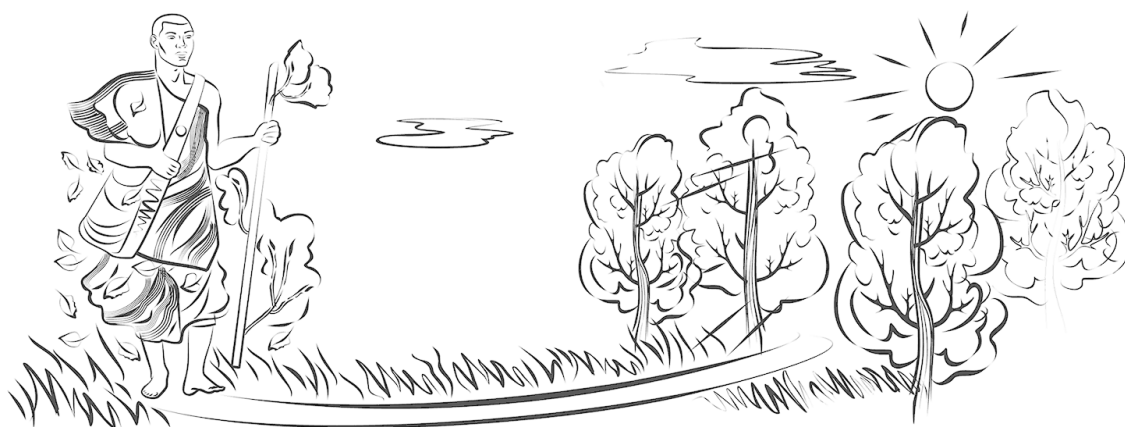
* * *

Люди появляются на нашем жизненном пути не просто так.

Даже мимолетные знакомые, попутчики в транспорте, не говоря уже о соседях, друзьях или родственниках, привлечены к нам неумолимой силой, инерцией прошлых деяний, иначе говоря, кармой.

И взаимодействие с любым из них, не важно, приятное или внушающее ужас, на самом деле шанс изменить жизнь к лучшему. Либо узнать что-то новое, либо нейтрализовать негативную энергию, пришедшую из прошлого, отдать долг или решить глубоко засевшую внутри проблему, которую не разглядеть без другого человека, что служит в данном случае прекрасным зеркалом.

Имея дело с невыносимым начальником, капризной подругой или пьющим мужем, разумнее всего воспринимать их не как наказание, а как некий стимул расти самому и заодно подсказку, в каком направлении это делать.

Глава 3

Лесной отшельник

Состояние отстраненности продержалось не так долго, как мне бы хотелось.

Но когда оно ушло, осталось некое внутреннее спокойствие, за которое я и уцепился. Даже сил вроде бы прибавилось, и не столько телесных, сколько душевных, тех, что помогают не стонать и не жаловаться.

Брат Пон продолжал болтать, рассказывал анекдоты о древних просветленных, о том, как те творили дурацкие чудеса и самыми разными способами издевались над простаками. Слушая все это, я время от времени улыбался и даже хихикал – некоторые ситуации напоминали то, что я пережил в Тхам Пу. На ночлег мы остановились задолго до темноты, едва попало удобное место.

– Мы забрались высоко, так что ночью будет холодно, – заявил брат Пон, когда я со стоном облегчения уселся на поваленное дерево. – Придется устраивать подстилки.

Он наломал две громадные охапки веток, а затем разжег между ними костер.

– Помнится, сегодня ты думал о смерти, о том, что можешь погибнуть в этих горах, – сказал монах, убедившись, что пламя горит ровно.

Под его испытующим взглядом мне стало стыдно, и к щекам моим прилила кровь.

– Так это же прекрасно! – эта реплика застала меня врасплох, как и улыбка на лице брата Пона. – О ней нужно помнить всегда, что она тут, рядом, на расстоянии вытянутой руки, готовая нанести удар.

Я вздрогнул, заново переживая то, что некогда испытал в вате на берегу Меконга, – ощущение холодного, ледящего и в то же время пустого прикосновения к затылку. Оглянулся судорожным движением и вроде бы даже уловил змеящееся, угрожающее движение за спиной.

Но через миг вокруг были только деревья, невысокие, с отслаивающейся белой корой и мелкими цветками того же цвета.

– За всякое дело нужно браться так, словно оно закончится твоей кончиной. Отправившись в это путешествие я, например, простился со своей жизнью... Понимаешь? Да, тебе, кстати, можно говорить...

К собственному удивлению, я ограничился лишь кивком, но ничего не сказал. Похоже, привычка к молчанию начала понемногу становиться частью моей довольно болтливой натуры.

– Смерть пуста, но в то же время она имеет место. Но... – брат Пон сделал паузу, – абсолютно то же самое можно сказать и обо всем.

– В каком смысле? – звук собственного голоса показался мне чужим.

– А в том, что любой предмет, объект или явление, который ты можешь назвать, не существует сам по себе, обусловлен множеством других явлений, представляет собой не более чем крохотный, мимолетный фрагмент в громадном потоке, что не остановить, не задержать. Вот он есть, а в следующий момент сгинули определявшие его факторы, и он уничтожен, распался без следа. Вот костер, он возник оттого, что я принес кучу сухих веток в одно место и поджег их. Прогорят ветки, и он исчезнет, возникнут угли и пепел. Пройдет дождь, и их размочет без остатка, кострище зарастет травой...

– Это... как дхармы?

– Да, аналогия есть, – согласился брат Пон.

– Но как тогда можно существовать в таком мире, где все ненадежно и зыбко? – поинтересовался я.

– По-разному. Можно цепляться за иллюзию и страдать, как делают обычные люди. Можно попытаться отбросить ее, что требует смелости, смирения, упорства и невероятной

выдержки. Если добиться успеха, то откроется другой способ существования, тот самый, который невозможно описать.

– Но какая разница, если все пусто, все не имеет значения? Зачем действовать? – продолжал допытываться я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.